

DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.11

УДК 323/324(81):316

Б. Сордж НАСТУПИЛА ЛИ НОВАЯ ЭРА В БРАЗИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ?

НАСТУПИЛА ЛИ НОВАЯ ЭРА В БРАЗИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ?

СОРДЖ Бернардо — доктор социологических наук, профессор в Институте фундаментальных исследований, Университета Сан-Паулу (Бразилия), директор Центра социальных исследований Эдельштейна (Рио-де-Жанейро, Бразилия). E-mail: bernardosorj@yahoo.com

Аннотация. Июньские волнения прошлого года в городах Бразилии, в которых участвовали тысячи манифестантов, застали политологов врасплох. Цель статьи — дать критический анализ двух интерпретаций событий, произошедших в Бразилии. Согласно первой, доминирующей в СМИ и среди представителей социальных наук, причиной июньских демонстраций послужило появление новых акторов — социальных сетей, для которых характерны непредсказуемость, децентрализация и спонтанность. Вторая же в попытке объяснить мотивы манифестантов, истолковывает события с точки зрения категорий социальных классов и, в частности, разделения на «левые–правые».

Ключевые слова: Бразилия, демонстрации, социальные сети, «левые–правые», Партия трудящихся.

HAS THE BRAZILIAN POLITICS ENTERED A NEW ERA?

BERNARDO Sorj — PhD in Sociology, Professor, Institute for Fundamental Research, University of São Paulo; Director of the Edelstein Center for Social Research (Rio de Janeiro, Brazil). E-mail: bernardosorj@yahoo.com

Abstract. The June 2013 protest surge in Brazil that took thousands of Brazilians to the streets caught the political scientists off guard.

The purpose of the article is to present two interpretations of what happened in Brazil. According to the first version which is popular among representatives of social sciences and mass media, the reason behind the June protests is the appearance of the new actors which are social networks being unpredictable, decentralized and spontaneous. The second version uses the categories of social classes and the division «left–right» to interpret the events and to understand the motives of the protesters.

Keywords: Brazil, demonstrations, social networks, left–right, Workers' Party

Социальные взрывы непредсказуемы. В Бразилии десятилетнее правление Партии трудящихся (ПТ) (выходцами из этой партии являются нынешний президент Дилма Руссеф и бывший президент Луис Инасиу Лула да Силва) нейтрализовывало всякие протестные настроения, исходящие от профсоюзов, гражданского общества, социальных движений или студенческого сообщества. До своего прихода к власти ПТ представляла основной канал мобилизации масс, после избрания президентом Лулы да Силва ее выборный потенциал партии оказался крайне эффективным, а группы, не входящие в состав партии, впали в состояние политической апатии, поскольку оппозиции никогда не удавалось их мобилизовать.

Демобилизация укрепила недоверие к политике и не сняла гражданское недовольство. Экономический рост и улучшение условий жизни парадоксальным образом стали синонимами новых расходов, спровоцировали новые виды денежных трат (телефон, Интернет и частное медицинское страхование) и увеличили давление на бюджет домохозяйств. Домохозяйства

все больше чувствовали бремя налогов, в то время как государство, заинтересованное в повышении налогов и вовлеченное в бесчисленные коррупционные скандалы, могло предложить населению лишь государственные услуги плохого качества.

Июньские волнения прошлого года в городах Бразилии, в которых участвовали тысячи манифестантов, застали политологов врасплох.

Целью автора данной статьи является не детальное описание, а критический анализ двух ключевых интерпретаций событий, произошедших в Бразилии. Согласно первой, доминирующей в СМИ и среди представителей социальных наук, причиной июньских демонстраций послужило появление новых акторов — социальных сетей, которые характеризуются непредсказуемостью, децентрализацией и спонтанностью. Вторая же в попытке объяснить мотивы манифестантов истолковывает события с точки зрения категорий социальных классов и, в частности, разделения на «левые–правые» [1]. Мы считаем, что обе позиции не учитывают готовность людей выйти на улицу, а не ограничиться социальными сетями (часто являющимися подобием участия) и преобладание республиканских протестных требований, которые не входят (скорее являются внешними) в разделение «правые–левые».

Политика проходит через Интернет, но разыгрывается на улице

Первый наш аргумент состоит в том, что, несмотря на значение, которое многие аналитики отводят социальным сетям, политическая активность — именно та, что влияет на ход истории, — лежит в реальной плоскости, а не виртуальной. Она имеет силу не тогда, когда мы сидим дома и кликаем мышку своего компьютера, а когда мы выходим на улицу.

Очевидно, что новые методы коммуникации являются более оперативными и более эффективными, чем тексты, которые печатали студенты 1960-х, типографские брошюры в руках революционеров прошлых веков, граффити на стенах или рукописные тексты, которые помещали в публичных местах еще до появления печатной прессы. Новые методы коммуникации распространяют информацию в реальном режиме времени, как вирус, ускоряя тем самым обмен сообщениями и организацию сбора.

В данном случае, когда обществом овладела политическая апатия, использование новых технологий приобрело особую важность по причине слабости или нерешительности политических партий, профсоюзов и студенческого сообщества в мобилизации людей в публичное пространство. То, что считалось возможным и обычным без участия виртуальных сетей, сегодня может быть реализовано лишь благодаря новым технологиям. Однако настоящие перемены, которые происходят в Бразилии, связаны прежде всего с людьми, которые вышли на улицы, а не с использованием Интернета. Примером тому может служить недавняя петиция, собравшая 1,5 млн подписей против того, чтобы Ренан Калейрос стал президентом Сената, при этом не принеся результата.

Характерной чертой манифестаций в Бразилии, как и в других уголках планеты, является одновременное присутствие новых, весьма влиятельных медиа и политических институтов, не способных дать достойный ответ недовольным слоям населения. Примечательно, что коротких сообщений в социальных сетях достаточно, для того чтобы активизировались те люди, которые не используют и не ищут идеологического дискурса. Приверженцы политического маркетинга это уже поняли.

Не пренебрегая важностью новых медиа, следует отметить, что причины, по которым люди решаются проявить публично недовольство и требуют преобразований, нужно искать в их сердцах и умах, а не в компьютерах. Что же произошло? Первый вопрос, который следует задать, это «когда?». И дело здесь не в увеличении цены на проезд в автобусах в Сан-Пауло,

спровоцировавшее социальное движение в национальном масштабе. То, что произошло на старте Кубка конфедераций, без сомнения, не было случайностью. Для граждан Кубок представлял скорее не символ национального благополучия, а все те общественные работы, которые стоили слишком дорого и проводились по завышенным ценам. Как объяснил мне один из манифестантов во время моего беглого расследования на местах, «если это для того, чтобы наворовать общественных денег, то пусть, по крайней мере, построят больницы». К этому присовокупилось недовольство в связи с законопроектом PEC 37¹, расцениваемым как агрессивное действие Конгресса по отношению к тем, кто стоит на стороне граждан, борющихся против коррупции и беззакония, а также негодования по поводу предложения Марко Фелисиано, президента Комиссии по правам человека и правам меньшинств, согласно которому гомосексуализм следует рассматривать как болезнь.

Кто участники и почему в манифестациях?

Центральный вопрос — кто высадился на улицах? В новом социальном бразильском сценарии появились социальные слои, не связанные с институциональной сетью ПТ, — новый средний класс [3]. Эти слои представляют собой ту часть населения, доля которой увеличилась благодаря экономическому росту и которая воплотила в себе ожидания общества потребления, такие, как доступ к системе высшего образования и желание вырваться из систем государственного здравоохранения и образования, предоставляющих услуги наихудшего качества. Для нового среднего класса увеличение разных статей расходов означает увеличение долгов по кредитам, которых сейчас множество.

Новый средний класс широко прославлялся правительственными экономистами, которые делали акцент на увеличение денежных доходов и которые слишком быстро забыли о насущных проблемах граждан. Большая часть этих граждан живет в общежитиях, не имея ни возможности пользоваться чистой водой и услугой по сбору отходов. Ежемесячная плата за телефон, доступ к Интернету, пользование транспортом и погашение долгов по кредитам опустошают доходы семей еще в самом начале месяца, не говоря уже о плате за обучение в частных школах и медицинскую страховку.

Метод, который эта новая прослойка общества собиралась использовать для политического самовыражения, не был ясен — настолько она казалась апатичной и циничной по отношению к политическому классу. Аналитики объясняют такое отношение двумя способами. Некоторые ссылаются на социальную группу, которая, внезапно появившись, была удовлетворена сложившейся ситуацией. Другие, к которым примыкает и автор, указывают на социальную фрагментарность населения, занятого индивидуальными стратегиями выживания.

Данная диагностика может быть справедлива для родителей, но оказывается ложной для детей. Наибольшую часть манифестантов составляют студенты университетов, которые, учитывая их возросшее число за последние десятилетия, принадлежат семьям, совсем недавно зачисленным в средний класс.

Также мобилизовалась и молодежь разного социального происхождения, с разными политическими мотивами и ориентациями. Кто-то был особо недоволен отвратительным качеством услуг в сфере транспорта и здравоохранения. Другие, с более высоким уровнем дохода, были озабочены проблемами коррупции и безнаказанности политиков. Эти молодые

¹Предложение о внесении конституционной поправки №37, прозванной «поправка беззакония». Проект поправки предполагал ограничение полномочий в ведении расследований федеральной прокуратуры и федеральной и гражданской полиции.

люди, чьи головы свободны от семейных и профессиональных обязанностей, вышли на улицы скорее ради того, чтобы выразить протест против трудностей, с которыми сталкиваются их семьи, и недовольство по поводу скандалов из политической области.

Однако если свести мотивацию манифестантов сугубо к экономическим интересам, то это не учтет ни социальной динамики, ни чувств, которые движут гражданами в целом и молодежью в частности. В умах тех, кто вышел на улицы, присутствовали свои ценности, хоть и размытые и не всегда четко определенные. Тот факт, что в массе повсеместно фигурировали бразильский флаг и гимн, не является случайностью. Манифестанты, несмотря на различия, ощущали себя частью гражданского движения, не желающего видеть страну, пораженную коррупцией и беззаконием, независимо от того, какая политическая партия у власти. Не зря я часто слышал такие фразы среди молодых манифестантов: «впервые я себя ощущаю бразильцем», «сейчас я чувствую, что у меня есть родина». Несмотря на то, что национальное чувство и демократическую гражданственность можно отнести к нравоучительству, не следует забывать, что они базируются на позиции защищать национальную идею и общее благо, и именно это манифестанты и пытались выразить.

Бразильский национализм, национальная гордость проявляются через идентификацию с самовыражением общества, например, в спорте или искусстве, в то время как общественное и политическое устройство обычно вызывает негативные чувства. Это несоответствие было смягчено (даже в некотором смысле преодолено) манифестантами, которые требовали общественных институтов и такую политическую систему, с которой они могли себя идентифицировать.

После 20 лет тишины молодежь вновь открыла для себя политический хэппенинг: приятное чувство быть частью коллективной акции, которое порождает ощущение раскрепощения и самостоятельности и отодвигает на второй план личные заботы (не увлекаясь при этом тоталитарными идеологиями). Безусловно, данная ситуация отличается от той, что была во времена идеологий, игравших огромную роль, и от целей, которые были, или, по крайней мере, нам казались, ясными.

Подавляющее большинство манифестантов было ни «за» ни «против» правительства. Они просто желали для страны лучшей жизни и с подозрением относились к политической системе, ассоциирующейся с коррупцией и беззаконием. Бессмысленно требовать от манифестантов четко сформулированной программы (ввиду ее неимения), называть их романтиками, сладкими мечтателями или индивидуумами, не способными понять, что социальная деятельность не мыслима без институтов. Их объединяет общая проблема, из-за которой они вышли на улицы: ослабление институтов, отвечающих за разработку правительственных программ. Прежде всего этими институтами являются политические партии, но также государственные профсоюзы и гражданское общество.

Манифестации имели политический характер в фундаментальном смысле слова: они выражали гражданское волеизъявление, затрагивающее в разной степени все слои населения. Необычным является то, что несмотря на акты вандализма манифестации не представляли собой оппозицию меньшинства радикальных активистов против безмолвного консервативного большинства; наоборот, безмолвное большинство идентифицировало себя с манифестантами.

Таким образом, отсутствие программной платформы допустимо, но не исключает риска. В бразильском сценарии самым главным был не риск оказаться под управлением экстремистских сил, а скорее риск сохранить культуру виктимизации, чему как раз благоприятствуют Интернет-коммуникации. Чувство жертвы является обоснованным, но

может быть продуктивным лишь для первого раза. А потом следует перейти к чувству ответственности, которое позволяет понять: чтобы добиться лучшей жизни в стране, нужно, чтобы все ее подданные, даже те, которые чувствуют себя жертвами, брали на себя активную роль в изменении политической культуры. Той культуры, которая присутствует в той или иной степени в повседневной жизни граждан [2]. Социальные изменения начинаются тогда, когда мы начинаем понимать, что виновник — это не всегда кто-то другой и что каждый на своем уровне, в том числе в ходе выборов, участвует в создании преобразований.

Конец эпохи?

Бразильская демократия нормализовалась, и мы можем надеяться, что неудовлетворенные граждане вновь выйдут на улицу. В Бразилии произошло одновременно мало и много перемен: политики, госслужащие и даже некоторые близкие этому окружению представители бизнес-сообщества больше не могут полагаться на окружающую их апатию и продолжать функционировать по правилам старого порядка. Разные политические группы постарались подстроиться под события, выдвигая разные объяснения, разрабатывая даже теории заговора перед лицом реальности, ускользающей от принятых шаблонов.

Теперь, чтобы выиграть на выборах, политическим партиям надо дешифровать и выразить в своих предложениях, или хотя бы в обещаниях, требования улиц. Новые устремления граждан приумножат неопределенность в политическом и электоральном пространстве. Правительство, как и оппозиция, было застигнуто врасплох. Это коснулось всех политических партий и в частности тех, кто находится у власти, потому что именно им есть что терять. Сейчас они стремятся сократить ущерб, причиненный организации электоральной поддержки, и рассуждают так: «Мы услышали протесты улиц». Партия, которая пострадала больше всего (Партия трудящихся), должна теперь обновить свои призывы со времен Лулы в духе «Бразилия изменилась». Она сохраняет инструменты власти, допускающие инициативу, и может рассчитывать на неэффективность и отсутствие профессионализма оппозиционеров, когда они за нее берутся.

Что касается оппозиции, для нее важнее вызов. Необходимо перевести социальное неблагополучие в политическое предложение, которое звучало бы убедительно, которое, даже если не избежит народного недовольства, должно, по крайней мере, показать, что политики способны проложить путь к социальному благополучию в Бразилии. Неверно было бы правительству и оппозиции свести социальное неблагополучие к решению вопроса увеличения ресурсов для проведения государственной политики. Конечно, дополнительные ресурсы не помешали бы (хотя они были бы стеснены возросшим уровнем инфляции и увеличением расходов граждан), но сейчас в игре не политики, а политика: институциональные перемены, которые ограничили бы коррупцию, разбазаривание денежных средств, принуждение к отдаче голосов, беззаконие и неэффективная организация общественного правопорядка. Сложная задача, ведь те, кто должен осуществить преобразования — исполнительная власть и Конгресс — заинтересованы в сохранении сложившегося статус-кво.

Литература

- 1 Singer A. V. Brasil, junho de 2013. Classes e ideologias cruzadas // Novos Estudos CEBRAP. 2013. Vol. 97. P. 23-40.

- 2 Sorj B. Individualismo transgresor e instituciones públicas: La democratización de la cultura oligárquica en América Latina. Rio de Janeiro : Centro Edelstein de Pesquisas Sociais, 2012. (Working Papers ; no 7). URL: http://www.bernardosorj.com/Novidades/WP_7_Espanhol.pdf 30 11 2012 18 29 21.pdf
- 3 Sorj B. La nueva dinámica política de América Latina : temas para una agenda de investigación // Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales. 2013. No 217. P. 61-78.